

DOI: 10.31696/S086919080032779-3

ПОЛИТИЧЕСКИЙ МИФ И ПОЛИТИКА ПАМЯТИ ИНДИИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

© 2024

И.Ю. ЩЕДРОВ ^а^а – ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-3477-6320; ivanschedro@gmail.com

Резюме: Центральная Азия является частью зоны «расширенного соседства» Индии. Географическое положение стран региона, особенности их социально-политического развития, а также существующие в Индии представления о необходимости сбалансировать политическое влияние Пакистана и экономическую политику КНР поместили Центральную Азию в число стратегически важных направлений внешней политики. Однако отсутствие объективных политических и экономических стимулов предполагает использование других инструментов, легитимирующих интересы страны в регионе.

Одним из таких инструментов является общественно-политический дискурс, поддерживаемый политическими элитами и представителями экспертного сообщества. Его основным элементом является тезис о наличии крепких исторических и цивилизационных связей между Индией и Центральной Азией. Давняя история взаимодействия обосновывает преемственность политического развития Индии и предопределяет необходимость возвращения в регион, который, по мнению индийских политологов, является пространством новой «Большой игры» между региональными и глобальными державами.

Этот внешнеполитический миф нашел продолжение в сфере символической политики, элементы которой закрепляют память о событиях прошлого. В отличие от общественно-политических высказываний, целью которых является «удревнение» истории взаимодействия, символические практики отсылают к событиям более близким, подчеркивая общее наследие индо-исламской культуры и советского прошлого. Они подкрепляются активной «монументальной» и «топонимической» политикой и некоторыми аспектами гуманитарного сотрудничества.

Гуманитарная политика Индии преследует цель сохранения социальной памяти – страна развивает туризм, организует программы культурного и образовательного обмена, используя наследие советского периода. После прихода к власти в Индии администрации Н. Моди в 2014 г. степень инструментализации этих аспектов политики увеличилась. В Центральной Азии расширяется сеть образовательных и культурных учреждений, направленных на поощрение изучения Индии, языков хинди и урду и других дисциплин. Однако ставка на мягкосиловые инструменты не подкрепляется активным экономическим и политическим сотрудничеством, что ограничивает возможности страны в регионе.

Ключевые слова: Индия, Центральная Азия, символическая политика, политика памяти, дискурс, индо-исламская культура, политический миф, мягкая сила

Для цитирования: Щедров И.Ю. Политический миф и политика памяти Индии в Центральной Азии. *Восток (Oriens)*. 2024. № 6. С. 225–236. DOI: 10.31696/S086919080032779-3

INDIA'S POLITICAL MYTH AND MEMORY POLICY IN CENTRAL ASIA

© 2024

Ivan Yu. SHCHEDROV ^a

^a – Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-3477-6320; ivanschedro@gmail.com

Abstract: *Central Asia's geographical location and the peculiarities of the countries' socio-political and economic development as well as the Indian elites' perceptions of the necessity to balance Pakistani political influence and Chinese economic policy have placed the region among the most important directions of foreign policy. However, the deficiency of political and economic incentives forces the use of other tools designed to legitimize the country's interests in the region. One of them is the discursive power with the core narrative about strong historical ties between India and Central Asia, supported by political elites and representatives of the expert community. The shared history not only substantiates the continuity of India's development, but also predetermines the need for India's return to the region, which is acknowledged as a space of the "New Great Game". This narrative has found a continuation in the realm of symbolic politics. In contrast to the socio-political discourse, symbolic practices refer to historically close events, emphasizing the common heritage of Indo-Islamic culture and the Soviet past. These practices are underpinned by active 'monumental' and 'toponymic' policies and some aspects of humanitarian cooperation. One of the aims of the country's humanitarian policy is to preserve social memory formed on the basis of the Soviet legacy. During BJP administration after 2014, the degree of instrumentalization of educational, cultural and tourism policy as well as civilizational narrative has increased. However, reliance on soft power instruments not supported by active economic cooperation still limits India's capabilities in the region.*

Keywords: India, Central Asia, symbolic politics, memory politics, discourse, Indo-Islamic culture, political myth, soft power

For citation: Shchedrov I.Yu. India's Political Myth and Memory Policy in Central Asia. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 6. Pp. 225–236. DOI: 10.31696/S086919080032779-3

Центральную Азию принято относить к зоне «расширенного соседства» Индии, где страна стремится уравновесить влияние других держав и не допустить ущемление собственных интересов. Из-за территориальной близости к Афганистану и Кашмиру, террористическая обстановка в регионе напрямую влияет на безопасность в Индии [Белокреницкий и др. 2003, с. 157]. Обильные запасы углеводородов в Казахстане, Туркменистане и Узбекистане предопределили интересы страны и в энергетической сфере.

Несмотря на стратегическую важность Центральной Азии, позиции Индии здесь отстают от позиций других стран как в политической, так и в экономической плоскости. Политическое взаимодействие на высшем уровне характеризуется непостоянством контактов. Товарооборот Индии и пяти центральноазиатских республик составляет примерно 1 млрд долл. [Trade Statistics], а инвестиционное сотрудничество ограничивается локальными проектами. Из-за отсутствия экономических стимулов это направление внешней политики было вытеснено на периферию общественно-политических дискуссий.

В этих условиях руководству приходится прибегать к иным инструментам, направленным на поддержание присутствия страны и легитимацию ее интересов в регионе. Одним из таких инструментов является внешнеполитический миф, основу которого составляет нарратив о тесных культурно-исторических связях. Автор настоящей статьи предпринимает попытку определить основные характеристики этого мифа и политики памяти Индии, которые проявляются в общественном дискурсе и символических практиках. В тексте статьи символы рассматриваются как инструмент трансляции исторического повествования, то есть в качестве «сжатых мифов» [Поцелуев, 2012, с. 40]. Под символической политикой понимается особый род политической коммуникации, направленный на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов [Поцелуев, 1999, с. 62]. Автор также проводит анализ элементов культурно-образовательной политики Индии в Центральной Азии, которые направлены на поддержание исторической и социальной памяти. Хронологическими рамками исследования выбран период с 1991 г. по 2023 г.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК КОНТЕКСТ

Политические интересы Индии в Центральной Азии закрепляются в общественно-политическом дискурсе. Одной из его главных особенностей является нарратив об общем культурно-историческом прошлом. Отсылки к истории взаимодействия Индии и Центральной Азии встречаются как в официальных документах внешнеполитического ведомства, так и в заявлениях политического руководства страны. Определенный вклад в процесс формирования внешнеполитического образа региона вносят и представители экспертного сообщества.

Тезис о тесной и долгой истории взаимодействия Индии и Центральной Азии выступает средством легитимации интересов страны — репрезентация прошлого позволяет расширить возможности достижения целей во внешней политике, используя при этом меньше ресурсов. Он также выступает в качестве контекста политических действий Индии, придавая им значимость и исторический смысл. Политикоформирующий миф связан с переоценкой собственного культурного и исторического опыта с целью поиска путей развития и может быть направлен на формирование цивилизационной идентичности [Пантин, 2017, с. 144]. Она, в свою очередь, является средством отождествления человека с определенной общностью на основе дихотомии «свой»—«чужой». В этих условиях прошлое оказывается опытным полем, на котором выстраиваются образы будущего [Семенов, 2018, с. 66–67].

Важной особенностью политического дискурса Индии являются отсылки не к конкретным личностям или событиям ближайшего прошлого, а к давним историческим периодам, в которых экономические и социальные связи регионов были более тесными. В публичных заявлениях нередко встречаются отсылки к наследию Кушанского царства и Могольской империи, а для подтверждения преемственности связей с Туркменистаном МИД Индии, например, использует археологические находки времен Хараппской цивилизации [*India-Turkmenistan Relations*].

В 1990-х гг. использование исторического нарратива служило целям легитимации интересов Индии в Центральной Азии. Руководство страны хотело публично продемонстрировать, что Индия — это не новый игрок в регионе, а, скорее, старый друг [Kavalski, 2010, p. 43]. Тезис о тесной и давней дружбе обусловил необходимость «заново открыть» для себя Центральную Азию после распада СССР [Laguelle, 2011, p. 7].

Впервые наличие тесных исторических связей упоминается в отчете МИД Индии за 1991–1992 гг. [*Annual Report 1991–92*] Этот тезис сразу был успешно принят на вооружение индийскими политиками и с различной интенсивностью поддерживался различными

администрациями. В более поздних отчетах подчеркивалось, что связи повышают значение региона, обуславливая необходимость развития отношений Индии с ним.

После 2001 г. Центральная Азия выступала в качестве плацдарма международной борьбы с движением Талибан. Необходимость снижения рисков распространения терроризма на территорию региона повысило его стратегическое значение во внешнеполитических расчетах Индии. На этом фоне отсылки к общему культурно-историческому прошлому звучали реже и в целом перестали иметь большое символическое значение.

Администрация М. Сингха (2004–2014 гг.) не стала отказываться от исторического нарратива, так как он обосновывал стремление Индии увеличить военное присутствие в Таджикистане и подкреплял энергетическую политику страны в Казахстане и Туркменистане. Так, в политике «Связь с Центральной Азией» (*Connect Central Asia*), обнародованной в 2012 г., подчеркивалось, что два региона объединяют «столетия общей истории» [*Keynote address*, 2012].

Подъем интереса к региону связан с приходом к власти в Индии правительства Индийской народной партии (*Bharatiya Janata Party*, БДП). В 2015 г. премьер-министр Н. Моди посетил пять центральноазиатских республик. В официальных заявлениях визит был назван «историческим» во многом потому, что он восполнил дефицит политического взаимодействия, возникший в ходе правления предыдущей администрации. Кратковременная активизация внешней политики спровоцировала трансформацию общественно-политических дискуссий. Так, при БДП увеличилась степень инструментализации «цивилизационного» нарратива. Другой особенностью является «удревнение» отношений между регионами – история двусторонних связей исчисляется не сотнями, а тысячами лет, что подтверждает преемственность развития Индии и Центральной Азии.

Еще в 2001 г. администрация А.Б. Ваджапи (БДП) подчеркивала, что Индия и Центральная Азия обладают цивилизационными связями [*Annual Report 2000–2001*]. Историю отношений руководство отсчитывало со времен Александра Македонского и Кушанского царства [*Speech by Prime Minister*, 2003]. В 2019 г. Индия и Киргизия назывались «древними и славными цивилизациями» [*English rendering*, 2019], «регионами, связанными историческими и цивилизационными узами» [*PM's departure*, 2019]. С Таджикистаном связи прошлого объявлялись основой современных отношений между жителями двух стран [*Press Statement*, 2016]. Утверждалось, что с Узбекистаном «тысячелетние связи» формировали фундамент развития двусторонних отношений при условии «их обогащения сегодняшним контекстом» [*India-Uzbekistan*, 2018; *Press Statement*, 2018]. Администрация БДП использовала историю как обоснование политики в рамках многосторонних структур. Например, вступление Индии в ШОС в 2017 г. было названо свидетельством тысячелетних связей с регионом [*English rendering*, 2019]. В Делийской декларации по итогам первого саммита «Индия-Центральная Азия» в январе 2022 г. лидеры стран подчеркнули наличие «многовековых тесных цивилизационных, культурных, торговых и общественных связей» [*Delhi Declaration*, 2022].

Как было показано выше, в публичной риторике история становилась «основой» и «фундаментом» для строительства современных отношений. Подобный дискурс оформляет популярный сегодня тезис о необходимости «возвращения» Индии в регион, с которым страна некогда имела тесные культурные, экономические и политические связи. Например, в 2012 г. заместитель министра иностранных дел Индии Э. Ахамед заявил, что страна «воссоединяется с регионом, с которым связана шелковыми узлами многовековой общей истории» [*Keynote address*, 2012]. Позиция в целом поддерживается экспертным сообществом, представители которого для описания политики Индии нередко используют

фразы «повторное установление» (*resetting, reconnecting*) [Dave, 2016, p. 1–16; Singh, 2022], «возвращение» (*return*) [Harrington, 2022], «обновление» (*renewing*) [Kaushik, 1998] и т.п.

Экспертное сообщество Индии играет особую роль в процессе конструирования внешнеполитической идентичности. В своих работах для описания значимости темы исследования индийские политологи упоминают тесные социальные связи регионов, повлиявшие на процесс распространения буддизма в Центральную Азию, или суфизма на территорию Индии. Для обоснования интересов Индии авторы отсылают читателей к крепким торговым связям времен Великого Шелкового пути, а также политическим и социальным отношениям в эпоху Великих Моголов. Наличие такого нарратива также обусловлено характером развития научного знания. С 1960-х гг. страна поддерживала тесные культурные и научно-образовательные связи с Узбекистаном и Таджикистаном – важными центрами индологических исследований в СССР. В конце XX в. в индийской историографии сформировалась Алигархская школа, представители которой изучали взаимное влияние двух регионов во времена Империи Великих Моголов [Куприянов, 2023, с. 42].

Еще одной особенностью общественно-политического дискурса стала политика забвения британского наследия, обусловленная задачами конструирования внешнеполитической идентичности. К концу XIX в. торговые и социальные связи Индии с регионом значительно сократились, а сама Центральная Азия рассматривалась как пространство «Большой игры» с Российской империей. Однако в области научного знания политика не привела к отказу от геополитических конструктов и представлений времен Британского Раджа. Сегодня в основу геополитического дискурса снова лег тезис о новой «Большой игре» в Центральной Азии.

ПАМЯТЬ В СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ИНДИИ

Жизнеспособность мифа поддерживается как за счет социально-культурной инфраструктуры памяти, так и за счет символических элементов, которые сопровождают внешнеполитическую деятельность. Посредством этих элементов политические элиты закрепляют память о культурно-цивилизационных связях и событиях прошлого. Материальные и нематериальные символы являются носителями культурной памяти, а срок ее жизни соответствует периоду сохранности знаков, зафиксированных материально и институционально [Ассман, 2014, с. 20].

Символическая политика является средством «производства памяти», так как предполагает целенаправленный отбор событий прошлого для формирования того, что должно быть перенесено в будущее. Элементы этой политики находят отражение в ритуальных действиях, воспроизводимых во время политических визитов, «монументальной» политике (возведение статуй), «топонимической» политике (переименование улиц), а также в некоторых аспектах гуманитарного сотрудничества (например, организации совместных праздников и культурных мероприятий).

В этой сфере политическое руководство Индии использует отсылки к конкретным личностям прошлого. Символические элементы можно условно разделить на две категории: а) образы всемирно известных личностей, наследие которых воспринимается как инструмент мягкой силы Индии; б) образы, которые стали олицетворением культурно-исторических связей Индии и Центральной Азии.

В первую категорию стоит отнести личности М. Ганди и Р. Тагора. Использование их образов стало в некотором смысле частью внешнеполитической культуры страны. В контексте отношений со странами Центральной Азии апелляции к смысловой и ценностной составляющей образов являются частью нормативной силы Индии – страна не вмешивается

вается в региональные внутривнутриполитические конфликты, но показывает на собственном примере, чего может достичь государство с развитыми демократическими институтами.

Вторую группу составляют образы, связанные с наследием индо-исламской культуры, возникшей как результат вторжения тюрков, таджиков и персов в Северную Индию на рубеже XI–XII вв. Эти символы стали олицетворением истории взаимодействия регионов; память о представителях этой культуры использовались как администрацией ИНК, так и правительством БДП.

Во время визита в Таджикистан в 2009 г. президент Индии П. Патил посетила мавзолей персидско-таджикского поэта Сайида Али Хамадони, который повлиял на распространение ислама в Кашмире. Президент назвала его олицетворением «непрерывных связей между Индией и Таджикистаном» [*The president visits*, 2009]. С приходом администрации Н. Моды символические элементы, выполняющие функцию поддержания акционистской видимости присутствия страны, стали важным аспектом внешней политики Индии. В 2015 г. Н. Моди подарил И. Каримову репродукцию книги суфийского поэта-классика Амира Хосрова. Отец поэта родился на территории современного Узбекистана, а сам он в своих сочинениях одним из первых обратился к разговорному языку хиндави. В отношениях с Таджикистаном символом двусторонних связей стал индо-персидский поэт и писатель Мирза Абд аль-Кадир Бедиль. Премьер-министр подарил Э. Рахмону картину с изображением гробницы Бедили (находится в Нью-Дели), а во время визита в Таджикистан в 2018 г. президент Индии Р.Н. Ковинд закончил свою лекцию в Таджикском национальном университете строчками из его произведений [*Address by the President*, 2018].

Другим элементом символической политики является организация совместных праздников. С Туркменистаном были достигнуты договоренности о праздновании 500-летия со дня рождения полководца, поэта и регента Империи Великих Моголов Байрама Хана Туркмена, одного из основоположников туркменской литературы. В 1999 г. для организации мероприятий был создан совместный национальный комитет во главе с вице-президентом Индии. В 2005–2006 гг. в Узбекистане были организованы мероприятия, посвященные празднованию 100-летия со дня рождения Л.Б. Шастри.

Таблица 1. «Монументальная» и «топонимическая» политика Индии в Центральной Азии

Год	Событие
1995	Улицы в Бишкеке и Ташкенте названы в честь М. Ганди.
2003	Открытие памятников М. Ганди в Алматы и Душанбе.
2015	В Бишкеке и Ашхабаде открыты памятники М. Ганди, в Душанбе – памятник Р. Тагору.
2019	В Андижане был открыт памятник и улица в честь С. Пателя.

Источник: составлено на основе ежегодных отчетов МИД Индии.

Администрация БДП подкрепляла символические практики активной «монументальной» и «топонимической» политикой – открывала памятники и переименовывала улицы в странах региона. В советскую эпоху основным местом ее приложения являлся Узбекистан. В Ташкенте была открыта улица и памятник в честь бывшего премьер-министра Индии Л.Б. Шастри. В городе работала общеобразовательная школа им. Л.Б. Шастри, на реставрацию которой в 2004 г. Индия выделяла финансовые средства [*Бюллетень Индии*, 2005]. После 2014 г. география заметно расширилась. Индия сооружала памятники во всех странах региона, не ограничиваясь образами, связанными с историей двустороннего

взаимодействия (см. табл. 1). В 2019 г. во время визита главного министра штата Гуджарат В.Рупани в Узбекистан в городе Андижан был открыт памятник и названа улица в честь С.В. Пателя – первого министра внутренних дел Индии [СМ Vijay, 2019]. Это событие является свидетельством трансформации подхода, которая произошла при БДП, так как образ политика является средством внутривластной легитимации и не известен широкой публике за рубежом.

ГУМАНИТАРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ

В гуманитарной сфере стержневыми элементами являются культурная дипломатия, сотрудничество в сфере образования и развитие связей между представителями сообществ. Политика в этих сферах способствует сохранению социальной памяти, которая поддерживалась за счет культурного влияния Индии и была важным элементом присутствия страны в регионе во времена СССР. В постбиполярную эпоху сохранение позитивного образа Индии у населения стран Центральной Азии стало приоритетом внешней политики.

Индия предпринимала попытки сохранить традиционные инструменты проекции «мягкой силы», используя и дополняя опыт советского периода. На современном этапе основным местом приложения культурной дипломатии и гуманитарной политики стал Узбекистан. Ташкент традиционно являлся местом изучения хинди и урду [Gopal, 2005, p. 93], а во второй половине XX в. превратился в крупный центр советской индологии [Шаумян, 2018, с. 21]. На ранних этапах были достигнуты договоренности о проведении трансляций индийских передач государственного телеканала *Doordarshan* в Узбекистане [Annual Report 1994–95], где индийский кинематограф с советских времен пользовался большой популярностью.

В начале 1990-х гг. гуманитарное сотрудничество стало фундаментом для развития политических связей и имело большую символическую силу, что было особенно заметно в условиях низких темпов развития торговых отношений. В 1991–92 гг. Индия подписала четыре соглашения о культурном сотрудничестве с Узбекистаном, Казахстаном, Киргизией и Туркменистаном [Annual Report 1991–92], а с Узбекистаном, Киргизией и Казахстаном были подписаны соглашения о программах культурного обмена [Annual Report 1992–93]. В сфере образования взаимодействие концентрировалось на двух треках – открытии Центров изучения Индии и развитии программ обмена. По итогам первого визита премьер-министра Индии П.В. Нарасимхи Рао в Центральную Азию в 1993 г. было объявлено о создании нескольких культурных центров в Узбекистане и Казахстане, а три года спустя в Киргизии был открыт Центр им. М. Ганди (см. табл. 2).

Таблица 2. Динамика развития гуманитарного сотрудничества Индии

Год	Событие
1993	открыты культурные центры в Ташкенте (им. Л.Б. Шастри) и Алматы (им. Св. Вивекананды).
1996	– открыт Центр им. М.Ганди в Бишкекском гуманитарном Университете; – открыта кафедра Индии в Университете мировой экономики и дипломатии в Ташкенте.
2005	в Алматы открыт Центр изучения Индии.

2006	в Ташкентском государственном институте востоковедения создан Центр индологии им. М. Ганди.
2009	в Ташкенте открыт Индийский центр в Институте востоковедения им. Абу Райхана Беруни.
2014	в Бишкеке открыт Центр изучения Индии.
2015	в Туркменском национальном институте открылась кафедра хинди.
2016	в Киргизии (Кара-Балте) открыт Центр изучения Индии.
2017	– в Таджикистане открыты четыре Центра изучения Индии; – подписано соглашение о создании кафедры хинди и урду в Таджикском национальном университете.
2019	в Узбекистане открыт Индийский учебный центр в Самаркандском государственном университете.
2022	в Узбекистане открыты четыре Центра изучения Индии (в Навоийском государственном педагогическом институте, Ташкентском институте текстильной и легкой промышленности, Андижанском государственном университете и Ферганском государственном университете).

Источник: составлено на основе ежегодных отчетов МИД Индии.

К концу 1990-х гг. темпы развития гуманитарных связей заметно снизились и продолжались преимущественно по линии образовательных обменов в рамках Индийской программы технического и экономического сотрудничества (*Indian Technical and Economic Cooperation, ITEC*). Причина кроется в изменении внешнеполитических приоритетов Индии. Политические элиты уделяли больше внимания отношениям со странами Южной Азии, а события в Афганистане сместили акцент взаимодействия с центральноазиатскими республиками на военно-политические и экономические аспекты.

Администрация М. Сингха не стала вносить существенные коррективы в политику, определенную предыдущими правительствами. В этот период культурное сотрудничество развивалось низкими темпами и концентрировалось на проведении мероприятий и организации программ обменов, целью которых стало знакомство центральноазиатской публики с культурой Индии. Страна продолжила открывать образовательные и культурные центры преимущественно в Узбекистане.

Главной особенностью политики администрации Н. Моды стало расширение географии образовательного сотрудничества. При этом акцент был сделан на продвижении изучения языка хинди – соответствующие центры открывались в Киргизии, Туркменистане и Таджикистане. С 2019 г. в Узбекистане было открыто пять Индийских учебных центров, что увеличило общее их количество на территории страны до 13.

Вопросы культурной дипломатии до сих пор определяют повестку политического взаимодействия. В 2019 г. в Совместном заявлении по итогам подписания соглашения о Стратегическом партнерстве с Киргизией стороны обозначили важность сохранения буддистских памятников на территории Киргизии [*Joint Declaration*, 2019], а в 2023 г. по итогам саммита ШОС в Дели Индия выдвинула инициативу за сохранение общего буддийского наследия в странах-членах организации [*SCO Summit*, 2023]. Организованный годом ранее саммит «Индия – Центральная Азия» подтвердил важность образовательных и культурных

связей, поддержанием которых занимаются Культурные центры Индии [Delhi Declaration, 2022].

Другим треком гуманитарной политики Индии является развитие контактов между представителями сообществ как за счет развития программ образовательного обмена, так и за счет поощрения туризма.

Наибольшую популярность получила программа *ITEC*, выпускниками которой являются несколько тысяч студентов из стран Центральной Азии. Образовательный обмен также организуется Индийским советом по культурным связям (*Indian Council for Cultural Relations, ICCR*), профильным ведомством МИД Индии. После 2014 г. правительство поощряет обучение языку хинди в Центральном институте хинди (*Kendriya Hindi Sansthan*) в индийском штате Уттар-Прадеш.

Таблица 3. Индийская диаспора в Центральной Азии

	Нерезиденты (<i>Non-Resident Indians, NRIs</i>)	Лица индийского происхождения (<i>Persons of Indian Origin, PIOs</i>)
Киргизия	16550	48
Казахстан	9815	420
Узбекистан	5939	61
Таджикистан	1800	0
Туркменистан	105	4

Источник: *Population of Overseas Indians. Ministry of External Affairs. Government of India* [<https://www.mea.gov.in/population-of-overseas-indians.htm>].

Индийская диаспора в регионе немногочисленна, хотя наблюдается тренд на ее увеличение. Численность диаспоры, а также ее профессиональный состав, отличает Центральную Азию от других зон «расширенного соседства» Индии, например, стран Юго-Восточной Азии и Персидского залива, где проживает более 10 млн лиц индийского происхождения. По состоянию на 2021 г. в Центральной Азии проживало порядка 20 тыс. индийцев – студентов, работников строительного сектора, торговцев [Chitra Rajora asked, 2021]. По состоянию на май 2024 г. количество индийцев составило уже 35 тыс. человек (см. табл. 3). В Киргизии почти вся диаспора состоит из индийских студентов, обучающихся в местных мединститутах [Address by Ambassador, 2023]. В Казахстане количество студентов составляет 2,4 тыс., а в Узбекистане – 4 тыс. [Information for Indian; Advisory for Indian students]

ВЫВОДЫ

В условиях непостоянства политических отношений и торгово-экономических связей гуманитарная и символическая политика оставалась стабильным элементом взаимодействия Индии и Центральной Азии. При этом степень ее инструментализации зависела от находившейся у власти в Индии руководящей администрации.

Внешняя политика определялась динамикой развития общественно-политического дискурса, ключевым элементом которого являлся тезис о тесном культурно-историческом прошлом. Отсылки к давней истории взаимодействия встречались в официальных заявлениях и публикациях, став важной частью дискурсивной силы страны. Очевидна темпоральная

ориентированность внешней политики Индии на «прошлое» как некое «мерило» настоящих успехов. История взаимодействия, а также цивилизационные связи объявлялись обоснованием современных политических маневров. Совместная история не только подчеркивала преемственность политики Индии, но и предопределила необходимость возвращения страны в регион, в котором, по мнению индийских политологов, происходит новая «Большая игра» между крупными державами.

Если на уровне общественно-политического дискурса политические элиты и экспертное сообщество апеллируют к общей истории взаимодействия в доисламский период, то в сфере символических практик большое значение приобрели отсылки к личностям индо-исламской культуры. Администрация БДП подчеркивала общее исламское наследие регионов, используя его как инструмент политики памяти, направленный на внешнюю аудиторию.

Сегодня страна использует инструменты расширения культурного влияния за счет поощрения изучения языков хинди и урду, поддержки программ обмена, а также открытия центров изучения Индии. Эти аспекты гуманитарного сотрудничества преследуют цель поддержания положительного образа страны как элемента социальной памяти, сохранившейся со времен СССР.

На этапе адаптации внешнеполитической стратегии к постбиполярным реалиям гуманитарная политика и тезис о долгой истории взаимодействия служили целям легитимации интересов Индии. Однако по мере изменения общих приоритетов в индийском истеблишменте они начали выполнять функцию поддержания присутствия страны в регионе.

В этих условиях особенностью политического мифа и политики памяти стало забвение британского периода взаимодействия. Однако некоторые исторические параллели и представления той эпохи, популярные в Индии и сегодня, способны ограничить политическое маневрирование страны. Важным остается представление о регионе как о пространстве соперничества крупных держав за сферы влияния. Ставка Индии на развитие мягкосиловых инструментов, не подкрепляемая увеличением экономического присутствия, говорит об инертности региональной политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Ассман А. *Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение, 2014 [Assman A. *Der Lange Schatten Der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014 (Russian translation)].

Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. *Южная Азия в мировой политике*. М.: Международные отношения, 2003 [Belokrenitskiy V.Y., Moskalenko V.N., Shaumyan T.L. *South Asia in the World Politics*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2003 (in Russian)].

Бюллетень Индии. Посольство Индии в Республике Узбекистан. 2005. [Bulletin of India. Embassy of India in the Republic of Uzbekistan. 2005 (in Russian)] <http://www.indembassy.uz/russian/inbul/> (accessed: 13.02.2024).

Куприянов А.В. Постколониальная история на службе антиколониальной политики: критическая историография и национальный миф в современной Индии. *Международная аналитика*. 2023. № 14(2). С. 35–48 [Kupriyanov A.V. Postcolonial History in the Service of Anticolonial Politics: Critical Historiography and National Myth in Contemporary India. *Journal of International Analytics*. 2023. No. 14(2). Pp. 35–48 (in Russian)].

Пантин В.И. Цивилизационная идентичность в политическом измерении. *Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: «Весь Мир»,

2017 [Pantin V.I. Civilizational Identity in the Political Dimension. *Identity: Individual, Society, Politics. An Encyclopedia*. I.S. Semenenko (ed.) Moscow: "Ves Mir", 2017 (in Russian)].

Потцелуев С.П. «Символическая политика»: к истории концепта. *Символическая политика: Сб. науч. тр. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс*. Отв. ред. О.Ю. Малинова. М.: ИНИОН РАН, 2012 [Potseluev S.P. «Symbolic Politics»: On the History of the Concept. *Symbolic Politics: Collected Papers. Issue 1: The Construction of Representations of the Past as a Power Resource*. O.Y. Malinova (ed.) Moscow: ISSS RAS, 2012 (in Russian)].

Потцелуев С.П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме. *Полит. Политические исследования*. 1999. № 5. С. 62–75 [Potseluev S.P. Symbolical Politics: A Constellation of Concepts for an Approach to the Problem. *Polis. Political Studies*. 1999. No. 5. Pp. 62–75 (in Russian)].

Семененко И.С. Прошлое на переднем крае политики идентичности. *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. № 11. С. 65–76 [Semenenko I.S. History on the Frontline of Identity Politics. *World Economy and International Relations*. 2018. No. 11. Pp. 65–76 (in Russian)].

Шаумян Т.Л. Индология в России в прошлом и настоящем. Центр индийских исследований ИВ РАН. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 1. С. 20–29. [Shaumyan T.L. Russian Indian Studies in the Past and in Present. Centre for Indian Studies IOS RAS. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2018. No. 1. Pp. 20–29 (in Russian)].

Address by Ambassador at the Republic Day Reception in Bishkek on 27th January 2023. <https://indemb-bishkek.gov.in/news-detail.php?id=12#:~:text=The%20Indian%20diaspora%20in%20the,%2C%20Osh%20and%20Jalal%20DAbad> (accessed: 12.12.2023).

Address by the President of India, Shri Ram Nath Kovind at the Tajik National University on the Topic "Countering Radicalization: Challenges Before Modern Society". 08.10.2018. <https://ramnathkovind.nic.in/sp081018.html> (accessed: 13.06.2024).

Advisory for Indian students studying/intending to study in the Republic of Uzbekistan. *Embassy of India, Tashkent, Uzbekistan*. 18.01.2024. <https://eoi.gov.in/tashkent/?18477?000> (accessed: 18.01.2024).

Annual Report 1991–92. <https://mealib.nic.in/?2520?000> (accessed: 12.02.2024).

Annual Report 1992–93. <https://mealib.nic.in/?2521?000#Central%20Asia> (accessed: 13.02.2024).

Annual Report 1994–95. <https://mealib.nic.in/?2523?000#Central%20Asia> (accessed: 13.02.2024).

Annual Report 2000–2001. <https://mealib.nic.in/?pdf2529?000> (accessed: 12.06.2024).

Chitra Rajora asked: What is India's diaspora policy in Central Asian Countries? *IDSA*. 2021. <https://www.idsa.in/askanexpert/indias-diaspora-policy-in-central-asian-countries> (accessed: 13.06.2024).

CM Vijay Rupani opens Sardar Patel Street in Uzbekistan. *The Times of India*. 20.10.2019. <https://timesofindia.indiatimes.com/city/ahmedabad/cm-opens-sardar-patel-street-in-uzbekistan/articleshow/71668603.cms> (accessed: 13.02.2024).

Dave B. *Resetting India's Engagement in Central Asia: From Symbols to Substance*. RSIS Policy Report. 2016. https://www.files.ethz.ch/isn/196264/PR160202_Resetting-Indias-Engagment.pdf (accessed: 14.05.2024).

Delhi Declaration of the 1st India-Central Asia Summit. 27.01.2022. https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/34773/Delhi_Declaration_of_the_1st_IndiaCentral_Asia_Summit (accessed: 13.06.2024).

English rendering of Prime Minister's Press Statement during his visit to Kyrgyz Republic. 14.06.2019. <https://www.pib.gov.in/PressReleseDetail.aspx?PRID=1574680> (accessed: 12.03.2024).

Gopal S. *Dialogue and Understanding. Central Asia and India. The Soviet and The Post-Soviet Era*. Shikarpur: Shipra Publications, 2005.

Happymon J. India's 'return' to Central Asia. *The Hindu*. 07.02.2022. <https://www.thehindu.com/opinion/op-ed/indias-return-to-central-asia/article38389346.ece> (accessed: 14.05.2024).

India-Turkmenistan Relations. <https://eoi.gov.in/ashgabat/?0760?000> (accessed: 19.05.2024).

India-Uzbekistan Joint Statement during State Visit of President of Uzbekistan to India. 01.10.2018. <http://surl.li/oeqls> (accessed: 23.03.2024).

Information for Indian Students studying/willing to study in Kazakhstan. <https://www.indembastana.gov.in/page/Students/> (accessed: 12.12.2023).

Joint Declaration by the Republic of India and the Kyrgyz Republic on establishing Strategic Partnership. 15.06.2019. <http://surl.li/hqlikx> (accessed: 13.06.2024).

Kaushik D. India and Central Asia: Renewing a Traditional Relationship. *South Asian Survey*. 1998. No. 5(2). Pp. 231–244.

Kavalski E. An Elephant in a China Shop? India's Look North to Central Asia... Seeing Only China. *China and India in Central Asia. A New "Great Game"?* M. Laruelle, J-F. Huchet, S. Peyrouse, B. Balci (eds.) New York: Palgrave Macmillan, 2010.

Keynote address by MOS Shri E. Ahamed at First India–Central Asia Dialogue. 12.06.2012. <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/19791/> (accessed: 12.06.2024).

Laruelle M. Foreign Policy and Myth-making: Great Game, Heartland, and Silk Roads. *Mapping Central Asia: Indian Perceptions and Strategies*. M. Laruelle, S. Peyrouse (eds.). London & New York: Routledge, 2011.

PM's departure statement before his visit to Bishkek. 12.06.2019. <https://www.pib.gov.in/PressReleaseDetail.aspx?PRID=1574175> (accessed: 23.03.2024).

Press Statement by Prime Minister during State visit of President of Uzbekistan to India. *Narendra Modi*. 01.10.2018. <https://www.narendramodi.in/pm-modi-with-president-of-uzbekistan-shavkat-mirziyoyev-at-a-joint-press-meet-541686> (accessed: 13.06.2024).

Press Statement by Prime Minister during the State visit of President of Tajikistan to India. 17.12.2016. <http://surl.li/geohwa> (accessed: 23.03.2024).

SCO Summit under India's Chairmanship. 30.05.2023. https://www.mea.gov.in/press-releases.htm?dtl/36622/SCO_Summit_under_Indias_Chairmanship (accessed: 13.06.2024).

Singh S. Why India is reconnecting with the Central Asian Republics. *Asia Times*. 21.01.2022. <https://asiatimes.com/2022/01/why-india-is-reconnecting-with-the-central-asian-republics/> (accessed: 14.05.2024).

Speech by Prime Minister at the banquet dinner hosted by President of Tajikistan. *Government of India*. 14.11.2003. <https://archivepmo.nic.in/abv/speech-details.php?nodeid=9267> (accessed: 12.03.2024).

The President Visits Shrine of Sufi Saint, Sayyid Mir Hamadani in Tajikistan. *President of India*. 2009. <https://www.presidentofindia.gov.in/pratibhadevisinghpatil/foreign-visits/president-visits-shrine-sufi-saint-sayyid-mir-hamadani-tajikistan> (accessed: 13.06.2024).

Trade Statistics. *Ministry of Commerce and Industry*. <https://www.commerce.gov.in/trade-statistics/> (accessed: 25.04.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЩЕДРОВ Иван Юрьевич – м.н.с.
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва,
Россия.

Ivan Yu. SHCHEDROV, Junior Research Fellow,
Primakov National Research Institute of World
Economy and International Relations, Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia.